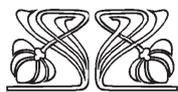
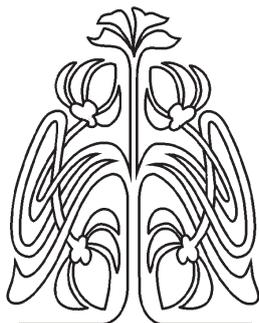
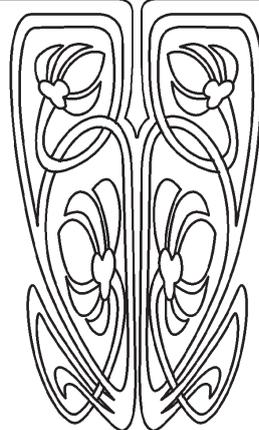

ФИЛОСОФИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 120–124
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 120–124
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-120-124>

Научная статья
УДК 125+237.2

Экзистенциальные модусы и их роль в современном восприятии смерти

Е. М. Дрокова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Россия, 196605,
г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10

Дрокова Елена Михайловна, аспирант кафедры философии, gret_4@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-8967>

Аннотация. В статье делается упор на важность личного восприятия и актуальность экзистенциальных течений в современности. Восприятие смерти неразрывно связано с субъективным переживанием, ощущением неотвратимости данного феномена. Экзистенциальные модусы, такие как страх, отчаяние, боязнь, тревога, активно исследованные в соответствующем философском течении, выступают основными аспектами, определяющими то или иное видение смерти в контексте личного переживания феномена конечности человеческого существования. Современная реальность вносит свои коррективы в каждое явление человеческого бытия, однако отношение к смерти обусловлено влиянием экзистенциальных модусов, сформированным зарождающейся философией экзистенциализма, но воспринятым через призму данности XXI в. Цель настоящей работы состоит в выявлении некоторых механизмов влияния экзистенциальных переживаний на возможное восприятие феномена смерти в определенных условиях современной реальности. Для достижения данной цели были использованы материалы экзистенциальной философии, прежде всего труды датского философа Сёрена Кьеркегора. Важное для данного мыслителя понятие отчаяния имеет явную корреляцию с психологическим здоровьем современной личности. Кроме того, ощущение своего отчаяния выражает отношение к собственной смерти. Новизна данной работы состоит в установлении корреляции категории отчаяния в философии Сёрена Кьеркегора и самоосознания, в том числе субъективного восприятия конечности человеческого существования.

Ключевые слова: Кьеркегор, смерть, страх, экзистенция, боязнь, интенция, отчаяние, религиозный экзистенциализм, Бердяев

Для цитирования: Дрокова Е. М. Экзистенциальные модусы и их роль в современном восприятии смерти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 120–124. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-120-124>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Existential modes and their role in the modern perception of death

E. M. Drokova

Pushkin Leningrad State University, 10 Petersburg highway, St. Petersburg 196605, Russia

Elena M. Drokova, gret_4@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-8967>

© Дрокова Е. М., 2022

Abstract. Introduction. The perception of death is inextricably linked with subjective experience, the feeling of the inevitability of this phenomenon. **Theoretical analysis.** Existential modes, such as fright, despair, fear, anxiety, actively studied in the corresponding philosophical trend, are the main aspects that determine this or that view on death in the context of personal experience of the phenomenon of the finiteness of human existence. Modern reality makes its own adjustments to every phenomenon of human existence, however, the attitude towards death results from the influence of existential modes, formed by the emerging philosophy of existentialism, but perceived through the prism of the given of the 21st century. The purpose of this scientific work is to identify the structures and mechanisms of the influence of existential experiences on the perception of the phenomenon of death in the context of complex data of modern reality. To achieve this goal, materials of existential philosophy were used, primarily the works of the Danish philosopher Søren Kierkegaard. The concept of despair, which is important for this thinker, has a clear correlation with the psychological health of a modern person, in addition, the feeling of despair expresses an attitude towards one's own death. **Conclusion.** The novelty of this work consists in identifying the dependence of aspects of existential philosophy in the formation of the perception of death in the modern world.

Keywords: Kierkegaard, death, fear, existence, intention, despair, religious existentialism, Berdyaev

For citation: Drokova E. M. Existential modes and their role in the modern perception of death. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 120–124 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-2-120-124>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Интерес к смерти наиболее остро проявляется в философии экзистенциализма, так как конечность человеческого существования неизбежно вносит свои коррективы в сущностное восприятие бытия и становится неотъемлемым свойством экзистенции.

Личностное – всегда определяющее, но на данном этапе развития философской мысли наибольшую актуальность приобретают философские течения противоположной направленности. Однако субъективное восприятие сохраняет значимость в социологии, психологии и других смежных науках. Личностное всегда связано с любой деятельностью человека, так как на результат этой деятельности неизбежно оказывают воздействие внутренние императивы субъекта. Как бы не старались мы отойти от субъектных отношений в сторону объект-ориентированных течений, личностное будет играть определенную роль хотя бы по причине того, что источником всех этих новых теорий является человек.

Ввиду этого такое направление философской мысли, как экзистенциализм, еще долго не потеряет своей актуальности. Вместе с тем, наряду с другими важными аспектами бытия, видение смерти определяет явления экзистенциального характера, которые и предстоит рассмотреть в данной работе, а именно: выявить наиболее важные моменты экзистенциальной философии на заре ее зарождения и проанализировать современное восприятие смерти личности–социума–общества в контексте означенных моментов.

Теоретический анализ

Аспекты экзистенциальной философии, на первый взгляд, предстают в качестве «негативных» интенций, таких как страх, отчаяние, одиночество, смерть. Однако философский дискурс позволяет расширить границы осмысления той или иной проблемы. Датский философ Сёрен

Кьеркегор переосмыслил концепт отчаяния в своей работе «Болезнь к смерти». Отчаяние тесно связано с религиозными переживаниями. Основа понимания отношений человека и Бога лежит в обосновании самого человека как существа, совмещающего в себе начала даже дихотомичные, которые сложно переплетены в человеческой сущности: «Человек – это синтез бесконечного и конечного, временного и вечного, свободы и необходимости» [1, с. 29]. Но синтез Кьеркегор интерпретирует не как соотношение двух частей. Он выводит само это отношение как нечто новое третье, родившееся из этого синтеза. Взаимосвязь всех трех отношений есть Я, «полагаемое», т. е. мыслимое через себя самого или через Другого. Эта некоторая разделенность порождает два вида отчаяния. Отчаяние появляется от нежелания быть самим собой и дихотомичное отчаяние – от стремления быть именно самим собой. Стоит предположить, что здесь обнаруживается возможный корень множественных неврозов современного человека: нежелание быть собой либо отчаянное желание быть именно самим собой. Интересно, что вполне вероятно и сочетание двух этих стремлений в одном человеке – попеременное либо меняющееся с возрастом. Нежелание быть самим собой может быть связано, как правило, с несоответствием субъективного видения собственной социальной роли, недостижением определенных жизненных целей. Подобное состояние порождает отчаяние в собственном Я и формирует стойкое нежелание быть ему тождественным. В то же время обратная ситуация, при которой отчаяние возникает на фоне стремления быть самим собой, также вероятна и распространена в современном мире. Она может возникнуть при внешнем (или видимом) несоответствии действий человека и его внутренним осознанием себя. Сущностное осознание своего Я приходит в несоответствие с тем, кем мыслит себя сам человек [2, с. 58]. Характерно, что эта двойственность может порождаться

изменением духовной сущности человека, а также под воздействием физиологических перемен, при которых человек в ходе болезни или естественного старения организма перестает идентифицировать себя со своим телом, более не выполняющим функции, необходимые для нормального существования. Данный фактор может послужить источником серьезного личностного кризиса, в ходе которого происходят отрицание и неприятие себя (своего тела) и, как следствие, неприятие своей сущности, нежелание быть самим собой.

Кьеркегор далее пишет, что «бесконечным преимуществом является то, что мы можем отчаиваться, и, однако, отчаяние – это не просто худшее из страданий, но наша гибель» [1, с. 31]. Как разрешить данный парадокс? Сам философ объясняет этот тезис своеобразной диалектикой отчаяния: оно преимущество и порок в одно и то же время. Для каждого отчаяние становится избавлением либо гибелью: это зависит лишь от субъективной интенции, внутреннего выбора. Ситуация отчаяния – конечная ступень, отсутствие всякой надежды, когда субъективное осознание ситуации не видит возможности положительного исхода событий. Перед лицом, казалось бы, неминуемой гибели (идеалов, любви, карьеры, физического здоровья) человек ввергается в всеобъемлющее чувство отчаяния, предается ему целиком. Никакая логика не сможет убедить в возможном положительном варианте развития событий. Обыденное сознание часто не в силах преодолеть притяжение этого всепоглощающего чувства. Оно всецело подвержено первичному обаянию отчаяния, когда приходит понимание того, что можно перестать бороться и смириться с собственной незавидной участью. Отчаяние – это грех, но больший грех – отчаяние от осознания собственной греховности, т. е. грех отчаяния в собственном грехе, отказ от покаяния [1, с. 104]. Отчаяние может спасти, но оно же и ввергает в погибель, так как человек обладает свободной волей, он сам, сделав выбор, решает свою судьбу – подчиниться чувству отчаяния или преодолеть его.

Однако, отвергнув конкретные ситуации отчаяния, которые во многом обусловлены сущностными потенциалами, оставив лишь идею отчаяния, необходимо признать его безусловным преимуществом [1, с. 31]. Отчаяние может привести к гибели, но только пережив отчаяние, приняв и преодолев его, возможно духовное развитие на наивысшем уровне: «Отчаяние. Оно дает надежду на искупление. Осознание греха само по себе не несет потенциала для освобождения от него, но пройдя через отчаяние, есть надежда на преодоление греха и надежда на встречу с Богом» [1, с. 15].

Отчаяние в рамках сегодняшнего дискурса, освещающего проблематику феномена смерти, играет роль не всегда очевидную. Выявленное выше отчаяние, формирующееся на фоне принятия либо неприятия своей сущности, в крайней степени может привести к тому, что смерть окажется в ракурсе желаемого. Искаженная самоидентификация проявляется в отчуждении собственного Я от личности человека. Смысл отчаяния в одном из самых его негативных проявлений в том, что для человека, отчаявшегося в дальнейшем существовании, нет преимуществ лично для него. Отчаяние как «болезнь к смерти» поражает витальные потенциалы и имеет интенцию в сторону небытия [3, с. 145].

Немецко-американский философ и теолог XX в. Пауль Тиллих писал о высокой роли теории Кьеркегора: «Кьеркегор разработал такое учение о человеке, в котором отчуждение человека от его сущностной природы описано в терминах тревоги и отчаяния» [цит. по: 3, с. 91]. Согласно концепции Тиллиха бытие человека – путь, требующий мужества, мужества быть частью и мужества быть собой [3, с. 143]. Этому мужеству противостоит отчаяние. Но ткань бытия состоит именно из этого противостояния, через становление и самоутверждение «бытия вопреки небытию» [цит. по: 3, с. 145]. Таким образом, снова приходим к выводу: диалектика отчаяния – это не лекарство, а болезнь, но вместе с тем выздоровление от болезни – смерть для мира [1, с. 13], так как путь «неверного» ухода от отчаяния не ведет к благодати, а растворяется в обыденности.

Кьеркегор определяет смерть в ракурсе христианского видения, он разграничивает это понятие: «На языке людей смерть – это конец всего, и, как они говорят, пока есть жизнь, есть надежда» [1, с. 27]. Принимая во внимание введенную философом концепцию трех стадий развития человека, подобный взгляд вполне логичен, как и заметное отстранение от «людей» и «их языка». В противовес обыденному сознанию и его однозначному восприятию смерти Кьеркегор представляет и интерпретирует смерть совсем не как «конец всего», а как ни с чем не сравнимый «источник надежды» [1, с. 31]. Надежды, конечно, на существование посмертное, гораздо более совершенное, нежели земное временное существование. Такое понимание смерти нивелирует страх перед ней: снимается вопрос неизвестности, обреченности на неизбежную погибель. То, что представляло собой «самое страшное зло и самый отчаянный страх» [4, с. 12], по мнению Кьеркегора, не имеет власти над христианином. Однако стоит обратить внимание на то, что, с точки зрения христианского понимания, кон-

цепция «смерть – конец всего» также является справедливой. Пока есть жизнь, есть шанс победить отчаяние, обратиться к Богу, жизнь – путь к смерти, но и путь к Богу, путь, определяющий важнейшее – место человека в вечности.

Во многом продолжает и поддерживает вывод датского философа о восприятии конечности человеческого существования Николай Бердяев в рамках христианской парадигмы, выводя необходимость диалектического взаимодействия Бога и человека: «Когда человек один стоит перед бездной небытия, он поглощается этой бездной, он начинает ее ощущать в себе» [5, с. 201]. Смерть, по Бердяеву, т. е. смерть истинная как феномен уничтожающий, разрушающий человека, появляется лишь тогда, когда человек, выразив свою волю, отказывается от Бога.

Вопрос – актуален ли данный вывод для современного христианина – обусловлен скорее пониманием того, кто сегодня христианином является. Данные исследований религиозности россиян 2014 г. говорят о том, что люди, называющие себя христианами, имеют опасения разной степени перед смертью. Таким образом, сформулированные выше выводы о том, что страх смерти не способен иметь силу в рамках христианского мышления, позволяют предположить формальное отношение опрошенных к вопросам веры, что религиозность не имеет системного характера и существенно не затрагивает уровень представлений [6, с. 114].

Кроме того, Кьеркегор посвятил исследованию понятия страха одноименный труд, в котором, кроме прочего, разграничил понятие страха и боязни [7, с. 6]. Боязнь есть более примитивное чувство, которое, как правило, испытывают перед конкретной опасностью не только люди, но и животные. Страх как метафизическая категория может проявляться только у людей, это «страх перед Ничто, ему подвержены только люди, осознающие, что их существование не вечно» [8, с. 6]. Страх как экзистенциальное понятие играет в восприятии смерти главенствующую роль, которая и в настоящее время не теряет своей актуальности. В контексте христианского видения страх играет еще большую роль, так как взгляд на посмертное существование отягощен ожиданием того или иного сценария развития событий после смерти – христианина ожидает вечная гибель или вечная жизнь. Установленная выше корреляция между религиозностью и страхом смерти также справедлива для обсуждения восприятия смерти в существующих реалиях. Современное сознание таким же образом видит в возможном бессмертии уход от абсурда человеческой конечности [2, с. 388], в то же время страх смерти трансформируется в страх перед посмертной участью,

«ценность жизни в этом случае выступает не самоцелью, а средством к [...] обретению духовного бессмертия» [9, с. 79]. При этом одной из типичных особенностей современного общества, по мнению многих исследователей, является намеренный уход от темы смерти и ее табуирование. Эта особенность имеет в своем основании мнение о том, что «смерть воспринимается современным человеком как “удел старых” и очень отдаленная перспектива (так как значительное число людей умирает вне дома), что, в свою очередь, порождает надежду на нахождение технологических решений этой “проблемы” и купирует излишне серьезное отношение к ней» [2, с. 389]. Однако замалчивание проблемы – не самый верный способ ее решения. Надежда на открытия в сфере высоких технологий видится вполне обоснованной, однако очевидно, что достижение бессмертия – дело не ближайших поколений, да и само бессмертие как перспектива вечной жизни в заданных психо-физиологических условиях весьма сомнительно.

Заключение и выводы

Итогом данной работы может послужить вывод, основанный на аналитике категории отчаяния, а именно: отчаяние – важная составляющая самоощущения личности, способная выявить до поры скрытые интенции, которые могут быть направлены как на позитивное преодоление личностных кризисов, так и на обратные процессы, ведущие к разрушению личности. Исходя из этого, меняется осознание собственной конечности, которое напрямую связано с экзистенциальными переживаниями. Современное общество нередко делает вид, что смерти нет, но последствия подобного ухода от реальности чреваты тем, что «вытесненный из сознания страх смерти является одной из причин различных фобий, психических расстройств и саморазрушительных форм поведения» [2, с. 392]. В целом же можно заключить, что экзистенциальная интенция до сих пор во многом определяет личностные, в первую очередь психологические состояния и особенно заметно это проявляется по отношению к восприятию смерти. Кроме того, очевидно, что во многом определяющими остаются принадлежность и отношение к религии – смерть для верующего человека не является концом всего, а лишь переходом к жизни истинной.

Список литературы

1. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М. : Академический проект, 2016. 157 с.
2. Вангородская С. А. Отношение к смерти в современном обществе : культурно-исторические особенности и

влияние на самосохранительное поведение // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44, № 3. С. 386–395. <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395>

3. Кононова Е. С. Смысл отчаяния // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-1 (37). С. 142–147.
4. Абдулгалимова С. А. Отношение к собственной смерти и переживание страха смерти // Вестник Социально-педагогического института. Гуманитарные и естественные науки. 2012. № 2 (5). С. 5–11.
5. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 639 с.
6. Пронина Т. С. Религия и поиски идентичности в постсоветской России // Религиоведение. 2015. № 2. С. 112–117.
7. Цветкова О. Л. Страх и современность : метафизика и реальность // Культурные процессы и явления. 2018. № 1 (28). С. 5–13.
8. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия : опыт экзистенциальной аксиологии. М. : Прометей. МГПУ, 2003. 240 с.
9. Красильников И. А. Модель внутреннего конфликта в гуманистической психологии личности // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 12 (32). С. 56–60.

References

1. Kierkegaard S. *Sygdом til døden*. København, 1849. 265 p. (Russ. ed.: K'еркегор S. *Bolezn'k smerti*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2016. 157 p.).
2. Vangorodskaya S. A. The attitude towards death in modern society: The cultural and historical features

and the impact on health behavior. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law], 2019, vol. 44, no. 3, pp. 386–395 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2075-4566-2019-44-3-386-395>

3. Kononova E. S. The essence of despair. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific Notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2010, no. 3-1 (37), pp. 142–147 (in Russian).
4. Abdulgaliyeva S. A. Attitude towards one's own death and the experience of fear of death. *Vestnik Sotsial'no-pedagogicheskogo instituta. Gumanitarnye i estestvennye nauki* [Bulletin of the Socio-Pedagogical Institute. Humanities and Natural Sciences], 2012, no. 2 (5), pp. 5–11 (in Russian).
5. Berdyayev N. A. *Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Existential Dialectic of the Divine and the Human.]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2011. 639 p. (in Russian).
6. Pronina T. S. Religion and the search for identity in Post-Soviet Russia. *Religiovedenie* [Religious Studies], 2015, no. 2, pp. 112–117 (in Russian).
7. Tsvetkova O. L. Fear and modernity: Metaphysics and reality. *Kul'turnye protsessy i yavleniya* [Cultural Processes and Phenomena], 2018, no. 1 (28), pp. 5–13 (in Russian).
8. Baeva L. V. *Tsennostnye osnovaniya individual'nogo bytiya: opyt ekzistentsial'noy aksiologii* [The Value Foundations of Individual Being: The Experience of Existential Axiology]. Moscow, Prometheus. MGPU Publ., 2003. 240 p. (in Russian).
9. Krasil'nikov I. A. The model of internal conflict in humanistic personality psychology. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013, no. 12 (32), pp. 56–60 (in Russian).

Поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 28.12.2021; принята к публикации 25.03.2022
The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 28.12.2021; accepted for publication 25.03.2022